

На правах рукописи

Бессонов Игорь Александрович

**Русская эсхатологическая легенда:
источники, сюжетный состав, поэтика**

Специальность – 10.01.09 – «Фольклористика»

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент

Иванова Анна Александровна

Официальный оппоненты: доктор филологических наук

Белова Ольга Владиславовна

Институт славяноведения РАН

кандидат филологических наук

Котельникова Наталья Евгеньевна

Государственный российский центр

русского фольклора

Ведущая организация: Московский педагогический государственный университет

Защита состоится " ____ " _____ 2010 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д. 501.001.26 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, МГУ, Воробьевы горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологического факультета МГУ.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Криницын

АКТУАЛЬНОСТЬ И НОВИЗНА РАБОТЫ

Тема эсхатологии в российской науке изучалась специалистами разного профиля: историками, религиоведами, филологами, культурологами и т.д. В настоящей работе она исследуется с позиций науки о фольклоре.

Дореволюционная и советская фольклористика были сосредоточены на изучении развития эсхатологических произведений в древнерусской письменности, истории эсхатологических теорий и текстов, зародившихся в среде старообрядцев и сектантов. Возможности для интенсивного изучения современной народной эсхатологии в ее живом бытовании возникли только в 1990-е гг. Однако, несмотря на несомненные успехи, достигнутые в собирании эсхатологических рассказов и их научном осмыслении, обобщающих работ на данную тему до сих пор не создано. Эсхатология разных социальных и конфессиональных групп изучается изолированно: так, М.В. Ахметова концентрирует свое внимание на новых религиозных культах, А.В. Тарабукина – на приходской среде, А.А. Панченко – на русском сектантстве, К.А. Маслинский – на крестьянской среде. Ценная информация о народной эсхатологии разбросана в многочисленных монографиях, сборниках, статьях, посвященных исторической, археографической и религиоведческой проблематике и остается маловостребованной в науке о фольклоре. Не включены в научный оборот и не прокомментированы и современные публикации эсхатологических рассказов в церковной и околоцерковной литературе. Отсутствует сколько-нибудь полный и систематичный каталог наиболее типичных мотивов. Не описана модель построения текста эсхатологического содержания.

Научная новизна диссертации связана с попыткой устранения перечисленных выше узких мест в изучении устной эсхатологической прозы. Для этого пришлось привести в соответствие комплексный характер материала и методы его анализа, отчего работа во многом приобрела междисциплинарный характер, оставаясь в основных своих слагаемых по преимуществу филологической. В диссертации предлагается ряд новых идей и подходов к изучению народной эсхатологии. В отличие от традиционного моножанрового определения эсхатологической легенды как разновидности жанра христианской легенды, мы рассматриваем ее как полижанровую тематическую группу, сохраняя прежний термин «эсхатологическая легенда» в силу научной традиции и трудности найти ему альтернативную замену. Народные эсхатологические рассказы впервые классифицированы в соответствии с культурно-историческими типами эсхатологии (мифологическая, религиозная, рационалистическая) и средой бытования (традиционная

крестьянская, прихрамовая, старообрядческая). Для описания текстовой континуальности устной эсхатологии нами используется понятие «основного эсхатологического сюжета» (ОЭС), включающего всю совокупность народных представлений эсхатологического характера. В работе продемонстрированы возможности использования введенного нами категориального аппарата как при анализе отдельных мотивов, так и при разборе конкретных устных рассказов эсхатологического содержания.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

Целью диссертации является целостное описание эсхатологической легенды как явления современной народной культуры. В связи с этим ставится и решается ряд взаимосвязанных **задач**:

- определение жанрового статуса эсхатологических рассказов в рамках общей системы жанров русского фольклора;
- классификация эсхатологических рассказов в соответствии со средой бытования, культурной и мировоззренческой установкой рассказчика;
- выделение основных принципов структурирования художественного мира, хронотопа и повествовательной структуры эсхатологической легенды;
- составление каталога наиболее типичных эсхатологических мотивов;
- определение источников эсхатологических мотивов, идей, образов в письменной традиции и фольклоре.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА РАБОТЫ

На разных этапах исследования в качестве базовых используются различные научные методы: структурно-семантический (при выделении и описании тем и мотивов), сравнительно-исторический (при изучении среды бытования и источников эсхатологических легенд), комплексный (сочетающий филологический, исторический, культурологический и религиоведческий анализ). Помимо них в работе задействованы и частнонаучные методики: прагматический и мотивный анализ (последний с точки зрения дихотомической и вероятностной теорий мотива).

При описании схемы основного эсхатологического сюжета, его тем и мотивов мы опирались на исследования В.Я. Проппа, К.В. Чистова, А. Дандеса, Б.П. Кербелите, Н.А. Криничной, И.В. Силантьева, В.И. Тюпы, С.В. Алпатова, Н.Е. Котельниковой, И.В. Райковой, Ю.М. Шеваренковой и др., при анализе социально-культурного контекста эсхатологии как явления культуры – Е.М. Мелетинского, А.Ю. Григоренко, А.А. Панченко и др., при изучении среды бытования эсхатологических рассказов – А.В. Тарабукиной, Н.Н. Покровского и др.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования являются эсхатологические рассказы, записанные на территории России в конце XX – начале XXI вв., а предметом изучения – их сущностные признаки и разнообразные «контексты», их определяющие.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена с привлечением как опубликованных, так и архивных материалов (в массе своей впервые вводящихся в научный оборот – 220 текстов). Их источники могут быть сгруппированы следующим образом:

а) архивы государственные (кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, лаборатории фольклористики РГГУ) и личные (автора и А.А. Ивановой);

б) фольклорные сборники и статьи (список их прилагается в Библиографии);

в) публикации текстов эсхатологического содержания сторонниками и критиками эсхатологических представлений (данный материал использовался как способ иллюстрации определенных эсхатологических мотивов и характеристики воззрений прихрамовой среды в их историческом развитии); исторические источники и исследования, освещающие развитие эсхатологических идей в разные периоды русской истории и современный «социальный фон» бытования эсхатологической прозы.

В общей сложности текстовая база исследования насчитывает более 400 рассказов. Большинство из них было зафиксировано в конце XX – начале XXI вв. в Кировской, Архангельской, Нижегородской, Новгородской областях и г. Москве.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Работа может служить фундаментом для дальнейших исследований народной прозы эсхатологического характера (в том числе иноэтнической, поскольку основной эсхатологический сюжет и темы, мотивы, его составляющие, относятся к разряду «бродячих»).

Диссертационное исследование представляет интерес для широкого круга ученых в смежных областях научного знания (истории, культурологии, религиоведении). Возможно использование результатов работы при подготовке вузовских курсов и спецкурсов, посвященных жанрам современной несказочной фольклорной прозы, взаимодействию книжной и устной традиций, исторической поэтике и др.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдельные ее положения были представлены научной общественности в виде статей (список прилагается в конце автореферата) и

докладов, прочитанных на научных конференциях, проводимых филологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова (Ломоносовские чтения – апрель 2007 г., апрель 2008 г., апрель 2009 г.), лабораторией фольклористики РГГУ («Языки традиционной культуры» – 2004 г.), Государственным республиканским центром русского фольклора («Славянская традиционная культура и современный мир» – 21-23 мая 2008 г.).

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется объект и предмет изучения, дается краткий историографический обзор по теме диссертации, обосновывается ее актуальность и новизна, формулируются цель и задачи, определяются общие методологические и методические установки, характеризуется материал, составивший текстовую базу исследования, приводится классификация привлекаемых источников, обосновывается практическая и научная ценность работы.

Первая глава «Эсхатологическая легенда в системе фольклора (жанровый аспект проблемы)» посвящена рассмотрению места эсхатологической легенды в жанровой системе фольклора и обоснованию ее трактовки как отдельной тематической группы текстов. Основные характеристики эсхатологической легенды даются с точки зрения сюжетики, прагматики, текстовой структуры, соотношения устного и письменного начал.

§ 1.1. *Из истории вопроса.* Жанр народной легенды стал предметом фольклористического исследования уже в XIX в. А.Н. Пыпин характеризовал его как повествование, которое «останавливается исключительно на предметах, принадлежащих к области христианских верований и религиозной морали»¹. Эту точку зрения разделяли многие его современники (например, А.Н. Афанасьев, подготовивший к печати первый сборник народных христианских легенд). Подобной трактовки придерживалось и большинство фольклористов XX – начала XXI вв. (В.Я. Пропп, Ю.М. Шеваренкова, И.С. Веселова, др.). В жанре легенды эсхатологические рассказы выделяются ими в отдельную тематическую группу. К примеру, в соответствии с классификацией легендарной прозы, предложенной Ю.М. Шеваренковой (собственно народные христианские легенды, легенды-«предания», легенды-«былички»), эсхатологические повествования оказываются отнесенными к первой группе, составляющей, по мнению исследовательницы, ядро легендарного жанра.

¹ Пыпин А.Н. Русские народные легенды (по поводу издания г-на Афанасьева в Москве 1860 г.) // Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. Новосибирск: Наука, 1990. С. 180–202.

§ 1.2. *К вопросу о жанровом статусе эсхатологической легенды (ЭЛ).* Подобное единодушное причисление эсхатологических рассказов к жанру легенды, с одной стороны, и их отсутствие в опубликованных в XIX в. легендарных собраниях, с другой, свидетельствует о том, что исследователи интуитивно ощущали отличие эсхатологической легенды от «нормальной» легендарной прозы. Во-первых, эсхатологический рассказ зачастую не нарративен и состоит из цепочки эсхатологических поверий, сочетая дескриптивное описание с элементами наррации. В отличие от классической христианской легенды эсхатологический рассказ, как правило, не имеет цельной сюжетной структуры: последняя как бы «рассыпается» на серию мотивов, набор и последовательность которых не имеют четко фиксированного характера. Во-вторых, эсхатологическое повествование не удовлетворяет требованиям жанра классической легенды не только с формальной, но и с содержательной стороны. Как уже было сказано, основным признаком легенды является присутствие в тексте христианской идеологии или хотя бы христианской тематики. Но эсхатологические тексты нередко связаны с религиозными верованиями и представлениями весьма условно. В устной традиции конец света часто мыслится как всемирная катастрофа, вызванная естественными или техногенными причинами. В этом случае религиозно-нравственные мотивировки практически отсутствуют, а в качестве признаков скорого наступления «последних времен» нередко называется появление новой техники, с религиозной точки зрения, совершенно нейтральной. Таким образом, многие рассказы эсхатологического характера не подпадают под традиционное для отечественной науки понимание легендарных текстов ни по формальным, ни по содержательным критериям. Следовательно, эсхатологическая легенда является не разновидностью жанра легенды, а определенной тематической группой в рамках несказочной прозы в целом. Подобные тематические группы уже исследовались К.В. Чистовым (социально-утопические легенды), Н.Е. Котельниковой (рассказы о кладах), И.Н. Райковой (фольклорная проза о «справедливом царе»). Таким образом, эсхатологическая легенда понимается нами как *устный или рукописный прозаический текст, содержащий эсхатологическую информацию и лишенный авторской атрибуции.*

В дальнейших параграфах (1.2.1, 1.2.2, 1.2.3, 1.2.4) анализируются содержательные, поэтические, прагматические особенности ЭЛ и соотношение в ней устного и письменного начал.

§ 1.2.1. *Содержательные характеристики ЭЛ.* Образцом для изучения сюжетной структуры повествовательных фольклорных произведений в отечественной науке стала работа В.Я. Проппа «Морфология сказки». Подобные модели использовались и для

изучения несказочной прозы (К.В. Чистов, Н.Е. Котельникова, Б.П. Кербелите). Построение инвариантной модели эсхатологического повествования имеет свои особенности. Как уже отмечалось, эсхатологические рассказы обычно не имеют жестких текстообразующих структур. Все эсхатологические тексты говорят об одном объекте – реальном мире, рассматриваемом в эсхатологической перспективе. Поэтому в качестве основной модели описания народной эсхатологической прозы мы используем не сюжетную схему ЭЛ (которую в принципе невозможно построить), а основной эсхатологический сюжет (ОЭС), фактически представляющий собой сумму народных представлений эсхатологического характера.

Тем не менее, следует отметить, что в ряде текстов эсхатологического содержания выделяются самостоятельные сюжеты, и ОЭС представлен в них на мотивном уровне. Рассказы подобного типа могут быть охарактеризованы как рассказы о сбывшихся предсказаниях или как классические христианские легенды.

§ 1.2.2. *Поэтические особенности ЭЛ.* В соответствии с формальной организацией текста эсхатологические рассказы могут быть разделены на несколько групп: эсхатологические поверья (паремийные тексты дескриптивного характера), эсхатологические слухи, эсхатологические нарративы открытого типа (цепочки эсхатологических мотивов, объединенных сюжетным действием), эсхатологические нарративы закрытого типа (эсхатологические рассказы с самостоятельным сюжетом) и рассказы о сбывшихся предсказаниях. Типы взаимоотношений между описанными группами разнообразны: эсхатологические поверья и эсхатологические нарративы открытого типа обычно представляют собой сложно дифференцируемое единство; эсхатологические слухи по форме близки к поверьям, но имеют и существенные отличия в прагматике, хронотопе и структурной сочетаемости; рассказы о сбывшихся предсказаниях имеют собственную сюжетную схему (предсказание – исполнение – узнавание), а эсхатологические мотивы существуют в них только на уровне «цитации», темы предсказания.

В § 1.2.3. (*Прагматика ЭЛ*) характеризуются основные функции устных текстов эсхатологического содержания (информативная – сообщение устойчивых представлений о «последних временах», рефлексивная – способ интерпретации современной жизни и актуальных событий, эстетическая, дидактическая) и выделяются речевые жанры, в рамках которых функционируют эсхатологические высказывания (беседа на религиозную тему, беседы на актуальные социальные и/или политические темы, духовные беседы).

В § 1.2.4. (*Соотношение устного и письменного в ЭЛ*) описываются типы отношений между письменными и устными текстами эсхатологической тематики. Ряд

письменных текстов (Библия, святоотеческие произведения) обладает абсолютным и непререкаемым авторитетом для всей народной традиции и является непосредственным источником ОЭС. Другая группа письменных текстов – созданные авторитетными авторами православные и старообрядческие толкования и эсхатологические сочинения XVII – XX вв. (диапазон их функционирования ограничен рамками определенных конфессиональных и социокультурных групп). Соответственно восходящие к ним мотивы оказываются наиболее востребованными в прихрамовой и старообрядческой среде. Большая группа письменных эсхатологических текстов (от рукописных тетрадей до современной православной литературы) не имеет авторитета, связанного с авторством, а рассматривается как источник эсхатологической информации, равносильный устным рассказам. Подобная литература может содержать самые разнообразные мотивы и концепции; она участвует в трансмиссии эсхатологических мотивов наравне с устной передачей. Наконец, многие эсхатологические мотивы передаются исключительно из уст в уста.

Вторая глава «Культурные и конфессиональные типы эсхатологии» посвящена выявлению и описанию различных типов эсхатологии, существующих в современной России. Рассматриваются также источники эсхатологических представлений и основные этапы их эволюция.

§ 2.1. *Развитие эсхатологии в общеисторической перспективе.* Эсхатологические мифы возникли в классических мифологических системах, по всей видимости, уже после формирования классической мифологической модели мира. Они представляют собой «вывернутые наизнанку» космогонические мифы: подобно тому, как во времена первотворения мир был структурирован и превращен из Хаоса в Космос, в будущем он может разрушиться и вновь превратиться в Хаос. Такова первая, мифологическая стадия формирования эсхатологии.

В процессе культурной эволюции эсхатологические мифы трансформировались в эсхатологические концепции (античность, Индия) и со временем вошли в канон религиозных учений. Несмотря на то, что подобные процессы шли во всех цивилизованных обществах древности, ключевую роль в формировании *религиозной, зрелой эсхатологии* сыграла еврейская традиция. Целая плеяда израильских пророков (V – VII вв. до н.э.) связала идеи конца света с восстановлением Золотого века и пришествием Спасителя – Мессии. Во II в. до н.э. еврейская эсхатология окончательно сформировалась в книге Даниила и многочисленных апокрифах; война с сирийским царем Антиохом Епифаном дала начало образу «Антимессии», смертельного врага народа Израиля. Еврейская эсхатология получила новое развитие в христианской и мусульманской

религиях, став одним из центральных мировоззренческих принципов средневекового общества.

В Новое время с развитием секуляризации возникла «новая эсхатология». Под этим термином мы понимаем совокупность художественных произведений, научных и паранаучных концепций, прогнозов и т.д., основной темой которых является будущая гибель Земли и людей в силу естественных (природных или техногенных) причин. Прежняя общая идея гибели мира и человечества и многие конкретные мотивы, с нею связанные, сохраняются в «новой эсхатологии», однако мифологические и религиозные мотивировки сменяются рационалистическими.

Все три культурных типа эсхатологии (мифологическая, религиозная, рационалистическая) присутствуют и активно функционируют в рамках современной эсхатологической прозы, своеобразно варьируясь в разных социальных группах.

В § 2.2. (*Эсхатология в современной России*) дается краткий очерк основных особенностей эсхатологических воззрений разных социальных и конфессиональных групп населения современной России.

§ 2.2.1 *Крестьянская эсхатология: источники и краткая характеристика.* Народная, крестьянская эсхатология сложилась в процессе взаимодействия книжной и народной, традиционной культуры. Первые фиксации народных представлений эсхатологического характера относятся к XIX в., однако активная запись эсхатологических рассказов русских крестьян началась лишь во второй половине XX в. Основные черты крестьянских эсхатологических рассказов – сильная мифологизация представлений о «последних временах», ослабление морально-нравственного контекста, широкое распространение эсхатологических рассказов о сбывшихся предсказаниях (форма, заимствованная из фольклорной традиции), большой интерес к теме технических новшеств как признаков приближения конца света. Характерной чертой эволюции народной эсхатологии является постепенное вытеснение религиозных и мифологических мотивировок рационалистическими, движение в направлении «новой эсхатологии».

§ 2.2.2. *Старообрядческая эсхатология: источники и краткая характеристика.* Старообрядческая эсхатология начала формироваться в XVII столетии. Основными вехами ее возникновения стало издание в Москве сочинений украинских православных апологетов («Книга о вере» и др.), раскол, публицистическая и богословская деятельность отцов раннего старообрядчества – Аввакума Петрова, инока Авраамия, дьякона Федора. Все они были уверены в приближении «последних времен», хотя и расходились в конкретных оценках деятелей своей эпохи. В начале XVIII в. в старообрядчестве возникло представление о Петре-антихристе, которое оставалось господствующим в течение

длительного времени; тогда же было разработано учение о «духовном антихристе», мистически господствующем в мире со времен раскола.

Старообрядческая эсхатология, утратившая значительную часть своего радикализма в XIX в., получила новый импульс к развитию в 1920-е гг. Коллективизация, гонения на религию, сталинские репрессии воспринимались многими старообрядцами как наступления царства антихриста. Во второй половине XX в. интерес к эсхатологии не ослабевал: из-под пера старообрядческих авторов вышел ряд своеобразных эсхатологических толкований и сочинений.

Современные старообрядцы – одна из наиболее увлеченных эсхатологической тематикой групп населения. В старообрядческих рассказах сочетаются собственно старообрядческие и крестьянские представления; для староверов характерно хорошее знание книжных источников в сочетании с заметным влиянием фольклорной традиции. Современная церковная и мистическая литература также оказывает влияние на их мировоззрение.

В § 2.2.3. (*Прихрамовая эсхатология: источники и краткая характеристика*) рассматриваются эсхатологические воззрения т.н. прихрамовой среды (термин А.В. Тарабукиной) – социогруппы, тесно связанной с церковью и церковными институтами. Ее эсхатология, по всей видимости, начала формироваться в конце XIX в. Революции 1905 г. и 1917 г. привели к широкому распространению эсхатологических представлений среди верующих людей. В 1920-е гг. создается ряд произведений эсхатологического содержания – «Сновидение Иоанна Кронштадского», «Краткие сведения о кончине мира», предсказывающих скорый конец света и пришествие антихриста. Массовое закрытие церквей, коллективизация и сталинские репрессии еще более уверили прихрамовую среду в антихристовой сущности советской власти. Активными распространителями эсхатологических рассказов в советскую эпоху выступали старцы и старицы, в воззрениях которых ортодоксально православные взгляды зачастую смешивались с народными верованиями. Наиболее яркими фигурами такого рода следует считать Лаврентия Черниговского, бл. Матрону, схимонахиню Нилу, Пелагею Рязанскую. Возрождение религии в 1980–90-е гг., совпавшее с распадом СССР и затяжным экономическим кризисом, вызвало новый виток эсхатологических настроений. Другой особенностью данной эпохи стало формирование «ревнительских» групп, чье сознание было полностью захвачено эсхатологической проблематикой.

Основными чертами эсхатологии религиозной православной среды является полное доминирование религиозно-нравственной трактовки эсхатологии, опора на пророчества русских святых и старцев, сильная политизированность и

идеологизированность, активное использование информации, почерпнутой из современной православной литературы.

Третья глава «Эсхатологическая легенда как идейно-художественное целое» занимает центральное место в нашем исследовании. В ней проводится комплексный анализ структуры, тематического и мотивного состава, а также хронотопа ЭЛ.

§ 3.1. Сюжетные типы ЭЛ.

§ 3.1.1. Основной эсхатологический сюжет (ОЭС). Народные эсхатологические рассказы образуют сюжетное и структурное единство лишь при рассмотрении их как потенциальных фрагментов единого текста. С другой стороны, сами эсхатологические рассказы де-факто являются результатом трансформации нескольких тесно связанных книжных текстов (Евангелие, Апокалипсис, святоотеческие писания). Это позволяет нам говорить об «основном эсхатологическом сюжете» (ОЭС).

Общая схема ОЭС довольно проста. Его можно изобразить как описание эсхатологической эпохи («последних времен»), грядущих бедствий, пришествия антихриста, уничтожения мира и Страшного Суда. Именно эта схема и является основным, инвариантным эсхатологическим сюжетом для любой культуры с христианскими или мусульманскими корнями:

**[Эсхатологическая эпоха] + [Антихрист] + [Эсхатологическая катастрофа] +
[Страшный Суд]**

В свою очередь, тема «Эсхатологическая эпоха» ввиду ее сложного состава и центральной роли в народной эсхатологии разделена нами на ряд подтем: «Испорченный мир», «Чудесный мир», «Перевернутый мир», «Заколдованный мир» и «Страдания и катастрофы».

Темы основного эсхатологического сюжета могут иметь как дескриптивный («Эсхатологическая эпоха» и «Эсхатологическая катастрофа»), так и нарративный («Антихрист» и «Страшный Суд») характер. В первом случае они репрезентируются эсхатологическими поверьями, во втором – нарративами.

В зависимости от коммуникативных ситуаций и интенций состав ОЭС варьируется. В крестьянских рассказах ОЭС часто редуцируется до двух тем:

[Эсхатологическая эпоха] + [Эсхатологическая катастрофа] → [Эпилог]

С другой стороны, использование апокрифических источников позволяет рассказчику расширить число используемых тем. Наиболее типично обогащение основного эсхатологического сюжета темой «Эсхатологическая война». В таком случае сюжетная схема может принимать форму:

[Эсхатологическая эпоха] + [Эсхатологическая война] + [Эсхатологическая катастрофа]

§ 3.1.2 *Рассказы о сбывшихся предсказаниях.* Повествовательную структуру подобных рассказов невозможно описать в терминах основного эсхатологического сюжета. Она выглядит иначе: «Рассказчик узнает о том, что что-то невероятное произойдет в будущем; в настоящем он видит то, что предсказание сбылось и понимает истинный смысл предсказания». Данный тип рассказов характерен для крестьянской среды и тесно связан с традиционными фольклорными жанрами: загадками, снотолкованиями, гаданиями. Рассказы о сбывшихся предсказаниях – наиболее фольклоризованный по структуре, сюжету, образности и тематике тип эсхатологического рассказа.

В § 3.2. представлены базовые темы и мотивы ОЭС, охарактеризованы их устные и книжные источники, вариативность с учетом среды носителей; в ряде случаев прослеживается трансформация мотива в исторической перспективе. Методологическому аспекту выделения и описания мотива в структуре текста посвящены параграфы § 3.2.1. и § 3.2.2.

В § 3.2.1. (*Категория «мотив» в русской и зарубежной филологической науке*) дается краткий очерк исторической эволюции интерпретации понятия «мотив» в отечественной и зарубежной науке (А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, А. Дандес, Б.Н. Путилов, др.). Дихотомическая трактовка мотива, предложенная В.Я. Проппом в «Морфологии сказки», получила дальнейшее развитие в трудах А. Дандеса, выделившего три возможных уровня аналитики мотива (соответственно для каждого им была разработана соответствующая терминология: *мотифема*, *алломотив* и *мотив*).

В § 3.2.2. (*«Структура мотива ЭЛ»*) они адаптируются к структуре ОЭС:

- 1) тема/подтема ОЭС (мотифема) – обобщение больших групп мотивов, участвующих в развитии ОЭС;
- 2) собственно мотивы (алломотивы) – по А.Н. Веселовскому, «простейшая повествовательная единица» (целостный образ, который может быть уточнен и по-разному истолкован);
- 3) вариант мотива (мотив) – конкретная реализация мотива в тексте.

Приведенная схема описания свойственна мотивам, заимствованным из церковной литературы (см. мотив «Печать антихриста»). Мотивы, возникшие в народной традиции, обыкновенно описываются посредством упрощенной схемы **мотив-тема** (даже в том случае, если внешне «мимикрируют» под образ, нуждающийся в толковании: так,

«железный конь» и «железная птица» в устной эсхатологии не допускают разных трактовок и имеют лишь одну верную разгадку).

Соотношение темы и составляющих ее мотивов также имеет различный характер. В темах «Эсхатологическая эпоха» и «Эсхатологическая катастрофа» они чаще всего соотносятся как инвариант–вариант. В темах «Антихрист» и «Страшный Суд» уместнее говорить о теме как об общем смысле суммы составляющих ее мотивов. Наконец следует отметить, что мотивы, как правило, жестко не связаны с определенной темой (подтемой): нередко под влиянием контекста они могут мигрировать из темы в тему.

Кроме дихотомической теории мотива в отечественной науке развивается вероятностный подход к семантике мотива. И.В. Силантьев отмечает, что «в структуру системного значения мотива входит функция, как его инвариантное семантическое ядро и варианты семы, образующие в своей совокупности семантическую оболочку мотива»² [Силантьев, с. 105–106]. В нашем случае соотношение тема–мотив имеет именно такой характер: мотивы одной темы являются синонимичными. Так, упоминание о засухе, «железных конях», всеобщей вражде одинаково могут обозначать наступление эсхатологической эпохи. Данный подход может быть применен и к конкретным алломотивам. И если при движении от инварианта к вариантам у нас возникает представление о синонимии мотивов, то при движении от вариантов к инварианту – о многозначности каждого мотива. Любой алломотив может быть представлен как имеющий в своем составе несколько сем – возможных инвариантных значений мотива, входящих в разные ассоциативные цепочки. Так, мотив «Печать антихриста» имеет в своем составе семы «Антихрист», «Заколдованный мир», «Страдания и катастрофы».

В § 3.2.3. охарактеризованы основные темы и мотивы, составляющие ОЭС.

§ 3.2.3.1. *Эсхатологическая эпоха.* «Эсхатологическая эпоха» («последние времена») – наиболее популярная тема народных рассказов (не случайно в ней можно выделить несколько самостоятельных подтем). Она, с одной стороны, является «вербально зафиксированным смыслом» массы эсхатологических поверий, а, с другой – мотивфемой, инвариантом для большинства относящихся к ней мотивов (по этому признаку ее можно уподобить лирической теме). Тема «Эсхатологическая эпоха» описательна; элементы наррации возникают при описании настоящих и будущих бедствий и катастроф («Страдания и катастрофы»).

§ 3.2.3.1.1. *Испорченный мир.* Согласно традиционным народным представлениям мир в эсхатологическую эпоху необратимо ухудшается, деградирует. В данной подтеме

² Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004.

мы выделяем четыре основных мотива: деградация нравственности, физическая деградация человека, деградация окружающей среды и обезлюдение Земли.

§ 3.2.3.1.2. *Чудесный мир.* В «последние времена» будут происходить всевозможные чудеса, природные и социальные аномалии. Как чудеса устная традиция описывает и оценивает новые технические средства. Техника издавна ассоциировалась в народной традиции с колдовством: суеверные крестьяне приписывали ремесленникам (кузнецам и гончарам) связь с нечистой силой. Новая техника, внедрявшаяся в XIX – XX вв., рассматривалась крестьянами в таком же ракурсе. В радикальной старообрядческой среде технические новации встречали сопротивление как нововведения антихристовой власти. Таким образом, отношение к технике в народной среде было преимущественно негативным и настороженным. В крестьянской ЭЛ мотивы, связанные с техническими нововведениями (появлением «железных коней», «железных птиц» и «железной паутины»), особенно популярны. По всей видимости, образы «железных коней» и «железных птиц» восходят к четырем всадникам и саранче Апокалипсиса. В параграфе прослеживается эволюция этих образов, и рассматриваются вероятные причины подобных трансформаций, их связь с традиционным фольклором. Другие реализации темы «Чудесный мир» – мотивы, связанные с природными и социальными аномалиями.

§ 3.2.3.1.3. *Перевернутый мир.* Структура мира в большинстве мифопоэтических традиций описывается как система противопоставлений. Конец света мыслится как переворачивание, инверсия основных оппозиций, затрагивающих все уровни организации космоса природного и человеческого. Наиболее популярные группы мотивов, представленные в этой теме: превращение воды в золото, отверждение природы, смешение мужского и женского, уподобление людей животным. Вода и золото противопоставляются как дорогое/дешевое, редкое/ общедоступное (в эсхатологическую эпоху члены оппозиции меняются местами). Таким же образом природные объекты становятся металлическими (живое/неживое), а люди своим поведением начинают напоминать животных. Перечисленные группы мотивов анализируются с точки зрения их связей с церковной литературой и фольклорной традицией.

§ 3.2.3.1.4. *Заколдованный мир.* В эсхатологических рассказах мир последних времен нередко характеризуется как мир, попавший под влияние нечистой силы вследствие отречения человека от истинной веры и традиционных моральных устоев. В современных эсхатологических легендах эта тема очень часто осмысливается как кодирование, зомбирование людей антихристом и его слугами с помощью современной техники. Мотив отступления от веры в «последние времена» был характерен еще для раннехристианской письменности («восстанут многие лжехристы и лжепророки и дадут

многие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» – Мф 24; 24). В христианской истории любая эпоха роста религиозного свободомыслия или секуляризма традиционно трактовалась как время приближения «последних времен». Другим популярным (особенно в прихрамовой среде) мотивом является мотив отступничества иерархов церкви от канонического православия (см. пророчества русских святых и старцев – Серафима Саровского, Лаврентия Черниговского и др.).

«Заколдовывание» мира антихристом в народных рассказах (главным образом записанных в прихрамовой и старообрядческой среде) осуществляется посредством СМИ – телевидения, радио и т.п. Причина такого отношения лежит на поверхности: со времен своего внедрения телевидение стало средством распространения враждебных религиозному мировоззрению идей – сначала советской пропаганды, а затем западной массовой культуры. Не случайно средства современной техники, используемые для передачи информации, получили в ЭЛ яркое образное оформление: телевизор – «икона зверя» (Апокалипсис), вход в иной, демонический мир (ср. с зеркалом в гаданиях). Другой популярный мотив – зомбирование людей антихристом с помощью СМИ или печати антихриста.

§ 3.2.3.1.5. *Страдания и катастрофы.* Одна из центральных идей и христианской, и народной эсхатологии – представление о «конце света» как о времени невыносимых страданий и ужасов (идея, зародившаяся в древнееврейской эсхатологии, давшей начало христианской и, следовательно, русской эсхатологической традициям). Она восходит еще к эсхатологическим мифам; в канонических христианских текстах описаниям страданий и катастроф также отведена важная роль. Народная ЭЛ выбирает из списка эсхатологических бедствий ряд наиболее популярных мотивов: засуха, голод, разрушение крупных городов (Москвы и Петербурга). В параграфе анализируются связи указанных и других мотивов с церковной литературой и традиционным фольклором.

§ 3.2.3.1.6. *Эсхатологическая война.* Данная подтема периферийна для темы «Эсхатологическая эпоха». Причина этого коренится в том, что в церковной литературе «последние времена» традиционно увязывались с войной, однако четкого представления об «эсхатологической войне» так и не было выработано. В современной русской ЭЛ данный мотив представлен во всех социальных и конфессиональных группах. Существует ряд своеобразных реализаций данной подтемы: будущее китайское нашествие, завоевание китайцами Сибири и др. С ней тесно связан образ «последнего царя», популярный в прихрамовой среде (особенно среди сторонников реставрации монархии). В соответствии с «Откровением Мефодия Патарского» он будет править перед пришествием антихриста.

§ 3.2.3.2. *Эсхатологическая катастрофа*. Основное содержание этой темы – глобальный катаклизм, уничтожающий мир в существующем виде. Эсхатологическая катастрофа может представлять в разных формах: как сожжение мира, столкновение Земли с «планетой», всемирный потоп и пр. Представление о том, что мир будет уничтожен с помощью огня, восходит к раннехристианской традиции (2 Петр 3; 10). С другой стороны, вполне вероятно предполагать и мифологические истоки подобного представления: согласно народным рассказам мир будет сожжен огнем, а небо упадет на Землю (редукция оппозиции небо/земля). Мотив столкновения Земли с планетой восходит ко второй половине XIX в.; в современных текстах он стал особо популярным благодаря СМИ. Еще один регулярно встречающийся в эсхатологических рассказах мотив – новый всемирный потоп – не имеет опоры в церковной традиции и строится по аналогии с представлением о прошлом всемирном потопе.

Для темы «Эсхатологическая катастрофа» характерно наличие мотивов, которые можно рассматривать как мотивы-эпилоги (полное обезлюдение Земли после эсхатологической катастрофы и будущее возобновление жизни от единственной оставшейся в живых человеческой пары). Фабула подобных рассказов приближается к классическим эсхатологическим мифам, построенным по циклической временной модели.

§ 3.2.3.3. *Антихрист*. Пришествие антихриста является кульминацией основного эсхатологического сюжета и в большинстве случаев относится рассказчиками к будущему. В отличие от темы «Эсхатологическая эпоха» тема «Антихрист» носит ярко выраженный нарративный характер, поскольку актуализирует в повествовании ряд других мотивов разного свойства (мотивов-действий и мотивов-характеристик). Если к первым двум компонентам основного сюжета вполне применимо понятие мотивемы, то в данном случае речь идет скорее о мотиве как о «тематическом итоге фабулы», совокупности разного рода статических и динамических мотивов. В итоге история антихриста может разворачиваться в самостоятельное фабульное повествование.

Образ антихриста начал формироваться в еврейской традиции на основе образа «нечестивого царя» книги Даниила (Антиох Епифан). В раннехристианской традиции он предстает в двух трактовках: как враг христианства, внешний по отношению к нему (Апокалипсис) и как соблазнитель христиан – лжемессия (Евангелие, Послания Павла). Народные легенды об антихристе можно разделить на три группы. В одних он характеризуется как «духовный антихрист», некая темная сила, направляющая деградацию мира (тема «Заколдованный мир»), в других изображается в соответствии с церковными представлениями как фигура апокалиптических времен (тема «Антихрист»), в третьих – как уже фигура, описываемая вне реального времени и пространства.

Далее в параграфе рассматриваются группы мотивов связанные с образом антихриста, их источники в церковных текстах и традиционном фольклоре. Антихрист может осмысляться как сатана, сын сатаны, грешный человек, рожденный «мнимой девой» из колена Данова от нечистого духа или в результате «непорочного зачатия»; его облик варьируется (ложно благообразен, подобен змею, черту). Воцарение антихриста рассказчики нередко относят к периоду, наступившему после «всемирной войны». Важное место в анализируемой теме занимает мотив «Печать антихриста», связывающий темы «Антихрист» и «Эсхатологическая эпоха», поскольку введение печати антихриста рассматривается как начало его открытого правления. В параграфе описываются исторические варианты реализации этого мотива: от клейма к документу, электронному устройству, чипу, ИНН и т.п., идентифицирующему человеческую личность.

В народной и церковной традиции существует устойчивое представление о ряде предтеч антихриста (Петр I, Ленин, Сталин). Их именованья и факты биографии переосмысливаются в соответствии с эсхатологическими представлениями.

§ 3.2.3.4. *Страшный Суд*. Тема Страшного Суда охватывает события непосредственно связанные с наступлением светопреставления: знамения, предвещающие скорое наступления Страшного Суда и относимые большинством рассказчиков ко временам антихриста, сам Страшный Суд и мотивы-эпипоги. Наиболее часто в качестве знамений приближения Страшного Суда изображаются проповедь двух свидетелей (Илия и Енох) и воскресение Серафима Саровского (мотив, характерный для околоцерковного фольклора). В параграфе анализируется связь этих мотивов с церковной и фольклорной традицией. При описании Страшного Суда рассказчики в основном следуют за классическими христианскими текстами. Наиболее частотно в устной традиции представлены следующие мотивы: сошествие Иисуса Христа на землю, ангельские трубы, разделение на праведных и грешных и воскресение мертвых. Эпипогом данной темы, как правило, является традиционное христианское представление – царство святых в небесном Иерусалиме. Только в некоторых случаях рассказчики сбиваются на циклическую версию ЭЛ с будущим возрождение жизни. В целом тема Страшного Суда наиболее связана с церковными источниками и наименее подвержена фольклорным влияниям.

В § 3.3. (*Комбинаторика мотивов*) мотив рассматривается уже не как единица ОЭС, а как часть конкретного текста; описываются связи между мотивами и законы их сочетания.

В § 3.3.1. (*Мотив как элемент текста*) представлена схема описания мотива как элемента конкретного текста. В ее основу положена семиотическая концепция Ч.

Морриса, адаптированная к изучению мотива И.В. Силантьевым. В результате описание конкретного мотива строится на основе выделения его семантических, синтаксических и прагматических характеристик.

§ 3.3.2. *Мотивная структура ЭЛ.* Текст эсхатологической легенды обыкновенно строится путем нанизывания мотивов в ассоциативном и хронологическом порядке. Отправной точкой, завязкой ситуации рассказывания легенды служит актуализация в памяти информанта одного из известных ему эсхатологических мотивов. Всплывший в сознании мотив по принципу интертекста начинает подтягивать к себе другие мотивы. Важной особенностью эсхатологических рассказов является отсутствие структурной целостности у большинства из них, что не является типичным для произведений прозаического фольклора. В эсхатологической прозе сюжетная схема может быть построена только для рассказов о сбывшихся предсказаниях. Другие типы эсхатологических текстов, как правило, не обладают собственным сюжетом и являются фрагментарным воспроизведением ОЭС. Соответственно в них преобладают ассоциативные связи. В результате рассказчик относительно свободен в выборе мотивов, хронотопа, мотивировок, продолжительности и развернутости повествования и т.д. В большинстве случаев он не излагает эсхатологические мотивы в хронологическом порядке, а перескакивает от одного времени к другому. В параграфе приводится ряд примеров детального разбора эсхатологических рассказов (описываются разные типы связей между мотивами, их семантические компоненты, развитие тем и т.п.).

В § 3.4. (*Хронотоп ЭЛ*) выявляется два возможных варианта соотношения реального и эсхатологического хронотопов: начало эсхатологической эпохи отнесено либо к прошлому/настоящему, либо к будущему. Исходя из этого, можно выделить два основных типа организации хронотопа (общей системы пространственно-временной организации художественного повествования): эсхатологические рассказы о прошлом и настоящем и эсхатологические рассказы о будущем. В эсхатологических рассказах о прошлом и настоящем объект повествования – реальный мир, окружающий рассказчика, осмысленный в эсхатологических категориях. В эсхатологических рассказах о будущем представлена фиктивная реальность, замкнутый художественный мир, выстроенный на основе традиционных эсхатологических мотивов и представлений.

В некоторых случаях указанные типы рассказа могут соединяться в одном тексте: одни эсхатологические мотивы будут соотноситься с окружающей реальностью, другие – моделировать будущие события. Хронотоп в подобном повествовании будет изменяться по мере смены описания настоящего предсказаниями будущего.

§ 3.4.1. Структура и хронотоп эсхатологических рассказов о прошлом и настоящем.

Если информант считает свою эпоху «последними временами», действие рассказа протекает в настоящем, нередко начавшись еще в далеком прошлом. Общая схема эсхатологического мотива в рассказе, доказывающем, что наша эпоха является эсхатологической, в наиболее полном виде строится следующим образом: ссылка на источник – мотив – толкование, раскрытие мотива применительно к современной эпохе. Во многих текстах эта полная схема не реализуется полностью, а свертывается до двух- или однокомпонентной. Эсхатологический рассказ о настоящем формируется путем соотнесения известных информанту текстов и представлений с окружающей действительностью, которая интерпретируется в эсхатологическом и апокалиптическом ключе. В качестве признаков конца света фигурируют упадок нравов, появление новой техники, природные и социальные катастрофы и т.д. При этом традиционные мотивы, нуждающиеся в толковании («Печать антихриста» и т.д.), интерпретируются в соответствии с требованиями эпохи. Ссылки в эсхатологических рассказах обычно однотипны: в качестве авторитетных источников, подтверждающих приближение конца света, информанты обыкновенно называют Библию, мнения «стариков», конкретных родственников старшего поколения, ученых, сообщения СМИ и пр.

В описываемой группе рассказов основное внимание рассказчика устремлено на осмысление настоящего. Прошлое может трактоваться либо как время социальной и природной гармонии («золотой век»), либо как реальная эпоха войн, гонений и кризисов (в этом случае прошлые катастрофы воспринимаются как прообраз будущих). События прошлого могут трактоваться и как исполнение эсхатологических предсказаний, и тогда эсхатология превращается в орудие исторической рефлексии, а эсхатологическая эпоха мыслится начавшейся уже в прошлом. Будущее же рисуется как время еще больших катастроф и бедствий.

Особым типом эсхатологических рассказов о настоящем являются эсхатологические слухи: слухи-домысливания (описывают факты настоящего, якобы известные только ограниченному кругу людей и тщательно скрываемые) и слухи-прогнозы (сообщают о событиях, которые должны произойти в ближайшем будущем). Для текстов подобного рода часто характерно высокое эсхатологическое напряжение.

Географическое пространство, изображаемое данной группой текстов, – реальное пространство нашего мира, осмысляемое в эсхатологических категориях. Объектом повествования является весь мир, в котором выделяются нечистые (США, Европа,

Израиль, Москва, Санкт-Петербург) и святые (Почаев, Диеево, иногда Москва и Россия) места.

§ 3.4.2 *Структура и хронотоп эсхатологических рассказов о будущем.* Поскольку данные тексты представляют художественную реальность, созданную рассказчиком на основе традиционных эсхатологических верований, структура мотива упрощается: в ней отсутствует характерное для рассказов о настоящем соотношение реального окружающего мира и эсхатологических представлений. При изложении подобных текстов рассказчик получает значительную свободу, отсюда разнообразие возможных жанровых воплощений: нарративы, цепочки эсхатологических поверий, классические христианские легенды, относимые к будущим временам и т.д. События будущего могут представать как последовательные, сменяющиеся во времени, и как одновременные. Пространство эсхатологического рассказа о будущем, как правило, неопределенно (если не упомянуты реальные географические пункты).

В **Заключении** подводятся итоги работы и намечаются ее дальнейшие перспективы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Эсхатологическая легенда: к определению жанра // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 119. СПб., 2009. С. 206-211 (0,3 п.л.)

II. Публикации в других изданиях:

2. Эсхатологическая легенда в современных записях: к вопросу об эволюции фольклорной традиции // Вятский родник: Сборник материалов восьмой научно-практической конференции. Вып. 8. Киров, 2007. С. 44–46. (0,3 п.л.)

3. Грядущее уничтожение мира огнем/водой в народных легендах о конце света // Материалы XIV Межд. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. (0,06 п.л.)

4. «Новая легенда» в составе современной устной религиозной прозы // Миф – Фольклор – Литература. Памяти И.В. Зырянова. Пермь. 2008. С. 99-109 (0,6 п.л.)

5. Эсхатологическая легенда в произведениях идеологов раннего старообрядчества // Материалы XV Межд. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2008. С. 422–424. (0,15 п.л.)

6. Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3. С. 23-25 (0,3 п.л.)